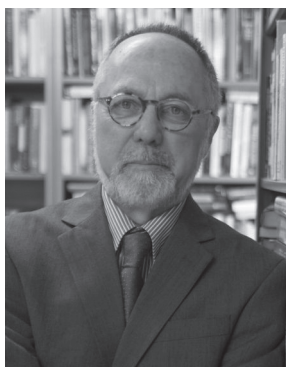

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ПИТЕРОМ КИВИСТО

— Питер, откуда Вы родом? Расскажите, пожалуйста, о своей семье и школьном образовании.

— Я вырос в шахтерском городке с населением около 10000 человек на Верхнем полуострове штата Мичиган, недалеко от озера Верхнее. Это было поселение с разнообразным этническим составом, где преобладали выходцы из Европы: корнцы, англичане, финны, французские канадцы, итальянцы, норвежцы и шведы. Коренные индейские народности проживали, главным образом, в сельских общинах. Мой отец происходил из семьи финских иммигрантов, мать — из семьи выходцев из Корнуолла. Отец работал учителем математики в старшей школе, мать — помощником учителя в коррекционном классе. Система государственного среднего образования тогда была довольно хорошо развита, и в 1960-е гг. все больше выпускников поступали в университеты. Большинство моих друзей стали студентами Мичиганского технологического университета, а после инженерами, я же поступил в Университет Мичигана.

— Кто были Вашими учителями в университете? Какие идеи вызвали у Вас наибольший отклик в начале пути?

— Когда я прибыл в Анн-Арбор осенью 1966 г., я думал, что выберу основной специальностью политическую науку, и планировал после окончания бакалавриата поступать в школу права. Но один приятель посоветовал мне записаться на курс по социологии. До этого я едва ли слышал о социологии, а если и слышал, то не представлял, что это такое. Тот курс действительно глубоко на меня повлиял. Преподаватель, профессор Макс Хейрих, был блестящим лектором. Вместе со своим ассистентом аспирантом Стефаном Берковицем, который вел групповые дискуссии, он показывал, как социология может анализировать проблемы, в водовороте которых мы в то время оказались. Первым текстом, который мы читали на том курсе, был официальный доклад (white paper report) для Белого дома, анализировавший причины восстания на почве межрасовых конфликтов в Уоттсе, районе Лос-Анджелеса, в 1965 г. (Это событие стало первым в серии подобных, захлестнувших страну в следующие

несколько лет). В это время я стал активным участником антивоенного движения — начиная с мобилизации против войны 1967 г. в Вашингтоне, моей первой поездки в столицу США и первого отравления слезоточивым газом — и движения за гражданские права, включая кампанию профсоюза сельскохозяйственных рабочих Сесара Чавеса. Таким образом, социология захватила меня. Однако то же можно сказать об исследованиях религии. Я посещал несколько курсов по религии, и, в конце концов, выбрал эту область в качестве основной специализации. Макс был прекрасным учителем, добрым и щедрым человеком. Я слушал его курс по социальной теории и провел с ним независимое этнографическое исследование в государственной психиатрической лечебнице в Нортвилле, второй по величине в Мичигане.

В 1970 г. я получил степень бакалавра, после чего поступил в Йельский университет, где провел три года в школе богословия, и в 1973 г. получил степень магистра. Учебный план был свободным, что давало возможность развивать мой интерес к социологии. Я обучался у трех замечательных преподавателей в здании факультета политической науки и социологии (по иронии, раньше там находилась епископская семинария). Дэвид Аптер, специалист по постколониальной Африке, ввел меня в теорию модернизации и в исследование развития. Норман Бирнбаум (в то время профессор в колледже Амхерста и приглашенный профессор в Йеле) познакомил меня с европейскими, в особенности с французскими и немецкими, послевоенными теоретиками. Как хороший «новый левый» студент, я уже немного читал Маркузе на бакалавриате, а в курсе Бирнбаума я познакомился с другими ключевыми фигурами первого поколения Франкфуртской школы, самыми важными из которых были Адорно, Беньямин и Хоркхаймер. Мы также изучали их наследника, Хабермаса. Кроме того, я узнал об идеях Альтюссера, Грамши, Лефевра и Турена. Спустя некоторое время я стал интересоваться работами последнего и в итоге опубликовал две статьи о его социологии постиндустриального общества. Бирнбаум также знакомил нас с текстами мыслителей, не столь широко признанных, но заслуживающих внимательного прочтения, включая работы Георга Гурвича и Александра Митчерлиха. Наконец, мы получили представление о центральных фигурах югославской Школы праксиса.

Третьим йельским преподавателем был Стивен Уорнер, и его влияние на мою работу оказалось гораздо более длительным. Я прослушал у него два базовых курса: по классической и по современной социальной теории. Уорнер, более чем кто-либо другой, заложил основы моего понимания уровня, охвата и назначения теории. Как я вижу сейчас, опыт обучения у него заложил весьма солидный теоретический багаж. Стив был первым аспирантом Нила Смелзера, и в то время, когда я у него учился, Уорнер и Смелзер писали в соавторстве руководство (handbook) по социальной теории, в котором выступали и как анналисты, и как аналитики идей. На курсах Уорнера я изучал Маркса — в дополнение к тем его текстам, что я читал у Аптера и Бирнбаума, — и, что более важно, я познакомился с Дюркгеймом и Вебером, а также с современными теоретиками, включая Парсонса, который посещал Йель в те годы, когда я там учился. Потом Стив стал преподавать в Университете Иллинойса, Чикаго, где провел большую часть своей карьеры и сменил теоретические исследования на социоло-

логию религии. Его статья 1993 г. в Американском журнале социологии (American Journal of Sociology) о новой парадигме в исследовании американской религии стала классической. Вскоре после ее публикации он начал первый крупный проект по религии и новым иммигрантам в США. Мы снова стали работать вместе, поскольку я также занялся исследованием религии и иммигрантов. Мне было приятно, что он написал аннотацию для обложки моей книги «Религия и иммиграция: Верования мигрантов в Северной Америке и Западной Европе», вышедшей в 2014 г. в серии Polity book.

Когда я закончил учебу в Йеле, мы с женой переехали в Сан-Франциско, не имея почти никаких планов. У нас была очень простая цель — пожить некоторое время в Сан-Франциско. Я нашел работу: устроился консультантом в городскую психиатрическую клинику. Год спустя начальник стал настаивать, чтобы я получил степень магистра по социальной работе в Беркли, а клиника оплатила бы мое обучение. Мне пришлось долго и усердно размышлять о том, соответствует ли это предложение моему представлению о собственной жизни. В конце концов, мы запаковали скромный багаж и вернулись на восточное побережье. Осенью 1975 г. я поступил на программу по социологии в Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке. Тогда я был уверен, что буду специализироваться на социальной теории и политической социологии. На программе я наиболее тесно общался с двумя преподавателями: Стэнфордом Лайманом и Артуром Видичем. Лайман опирался на теоретические традиции символического интеракционизма и феноменологической социологии. Он по-разному обозначал свой подход: как драматургический (подобно Гофману) и как экзистенциальную теорию. Видич учился с Ч. Райтом Милсом в Висконсине, а после переехал в Гарвард. Его основным научным интересом были изменения, которые принесло с собой массовое общество — основная тема американской социологии 1950-х гг., — а также сдвиги в классовой структуре развитых индустриальных обществ. Я также слушал курсы Бенджамина Нельсона, который развил мой интерес к исторической социологии. Еще один курс я прослушал у Никласа Лумана, хотя знакомство с его системной теорией было для меня трудным. Мне казалось, что, чтобы понять, как связаны разные элементы системы, нужно сначала ухватить общие интенции теоретика, и я потратил много усилий, чтобы понять их. Кроме того, преподаватели основных курсов побуждали меня рассматривать теорию не как самоцель, а как вещь, необходимую для эмпирического исследования, а потому мой энтузиазм в отношении попыток Лумана создать большую теорию был не столь велик.

Во время моего визита в северный Мичиган в 1977 г. мне попалась только что опубликованная книга о политическом радикализме значительной части финско-американского сообщества с конца девятнадцатого века по 1940-е гг. Это была история, о которой я не знал ничего, что было удивительно: я вырос в сердце финской Америки и, как уже говорил, по происхождению я наполовину финн. Я сделал курсовую работу по этой теме для курса Лаймана, и Стэн сказал мне: «Думаю, ты нашел тему своей диссертации». Так и оказалось. Конечно, это означает, что я стал исследователем миграции во многом неожиданно для самого себя. Итогом этого стала моя первая книга, и карьеру я начал именно как ученый, исследующий иммиграцию. Одним из следствий выбора

темы было то, что я стал историческим социологом, и мне повезло стать им в момент наиболее продуктивной междисциплинарной работы социальных историков и исторических социологов. Я оказался в выигрыше от этого сотрудничества. Один из его долгосрочных результатов — мое знакомство с учеными со сходным складом мышления, в частности, с Эвой Моравской.

— *Расскажите, пожалуйста, как менялись Ваши интересы и темы исследований на протяжении академической карьеры? Что повлияло на их динамику?*

— Я начал профессиональную карьеру в 1982 г. с позиции ассистента в колледже Аугустана, Чикаго — в небольшом колледже свободных искусств на Среднем Западе США, где я работаю и по сей день. В первые несколько лет после начала карьеры я продолжал исследования мигрантов-финнов, добавив к ним шведов. Но к тому времени многие исследовательские вопросы, которые побуждали меня работать над этой темой, уже получили ответы, к тому же после 1965 г. возникла новая волна миграции. К ней я и обратился, а, кроме того, включил в исследование не-европейских мигрантов и афроамериканское общество. В то же время я углублялся в историю американской социологии (так, я все больше узнавал о Чикагской школе и оценил значение работ Парсонса, которого в последний период жизни интенсивно критиковали) и погружался в новые теоретические течения, в особенности в связи с подъемом постмодернизма и теории глобализации. Думаю, правильно сказать, что причиной изменений в направлении моих исследований была готовность заниматься вещами, который интересны мне в настоящий момент, оставляя темы, интерес к которым иссяк.

Приведу один пример. Я прочел «Гражданскую сферу» Джеффри Александера (2006) вскоре после того, как она была опубликована, и был поражен ее значением для социологии. Думаю, можно без преувеличения сказать, что эта книга с ее широким охватом содержит наиболее оригинальный и важный для своего поколения вклад в теоретическое понимание гражданского общества. Ничего подобного не было написано со времен трудов Юргена Хабермаса о публичной сфере и работ Талкотта Парсонса, развивающих идею социетального сообщества. В годы между их выходом и публикацией книги Александра появилась обширная литература о гражданском обществе, включая работы таких влиятельных теоретиков, как Эндрю Арато, Жан Коэн, Джон Кин, Кэрол Пэйтмен, Роберт Патнэм, Адам Селигман и Майкл Уолцер. Работы этих и многих других ученых свидетельствуют о важности этой темы, но я полагаю, что именно Александеру удалось по-новому помыслить гражданское общество.

В течение следующих десяти лет происходило следующее. Я организовал встречу автора с читателями (an author-meets-the-critics session) на социологической конференции, результатом чего стал симпозиум в журнале «The Sociological Quarterly». Я представил статьи об этой книге и опубликовал собственную рецензию-эссе в журнале «Thesis Eleven». Вместе с Джузеппе Шортино из университета Тренто я стал редактором книги «Солидарность, справедливость и инкорпорация: размышления о “Гражданской сфере”», опубликованной в 2015 г. в издательстве Oxford University Press. Этот сборник содержит эссе таких выдающихся ученых, как Роберт Белла, Брайан Тернер и Аксель Хоннет, а также ответ самого Александера. Еще одно мое эссе о «Гражданской сфере»

готовится к публикации в 2016 г. в книге «Глобализуя культуры» под редакцией Винченцо Меле и Марины Вуйнович. В этой статье я пытаюсь связать тезис Александра о гражданской сфере с его культуросоциологией, а также исследовать его потенциал для анализа авторитарных государств и Европейского союза. В настоящий момент Александр организует ряд конференций, цель которых — сместить фокус книги с американского материала на другие части мира. Я буду участвовать в первой такой конференции — по Латинской Америке — в Йеле летом 2016 г. Далее планируется провести конференцию по Азии, потом — по Европе. Подводя итоги: в 2005 г. я едва ли предполагал, что гражданское общество станет одним из постоянных направлений моих исследований.

— *Питер, не секрет, что вопрос о месте социологии в современном мире сейчас широко обсуждается. Скажите, пожалуйста, что для Вас лично значит быть социологом? И какое место, по-Вашему, должно быть отведено социологии в современном мире?*

— На своем рабочем столе я держу карточку с надписью: «Социологи — это хранители общего блага». Один мой друг говорил, что это слова Пола Димаджо, но я так и не смог точно определить их автора. В любом случае, я благодарен тому, кто произнес эту фразу, потому что она в максимально сжатой форме определяет понимание социологии, к которому я пришел.

Тем не менее, это элегантное описание смысла существования социологии предполагает вызовы, с которыми неизбежно сталкивается наша дисциплина. Существовали, существуют и всегда будут существовать споры о том, где провести границу между наукой и социальным активизмом (scholarship and partisanship). Если зайти слишком далеко в направлении последнего, то дисциплина окажется в опасности. Это может легко привести к сокращению финансирования, к игнорированию работ социологов политическими и общественными деятелями, и в других отношениях социология может потерять свое значение. С другой стороны, мы должны считаться с тем, что выводы социологических исследований обычно склоняются к левоцентристской политической повестке. И очевидно, что правые политики в США осознают политические следствия социологических исследований, что ясно из их растущей враждебности к социологии. Если свидетельства социологов показывают многообразные отрицательные последствия неравенства, а вы являетесь приверженцем сохранения неравенства, вам остается только отвергнуть социологическое знание. В действительности, эта враждебность распространяется и на другие социальные науки, но социология, с таких позиций, представляет особую проблему. Враждебность к социологии, по крайней мере, в США, является частью более общей неприязни к науке в целом, включая естественные науки. Наиболее яркий пример — отвержение правыми научного консенсуса не только о том, что климатические изменения представляют серьезную угрозу для будущего планеты, но и о том, что происходящие изменения в немалой степени определяются действиями людей.

В последние годы развернулась серьезная дискуссия о публичной социологии, в которой важную роль сыграл Майкл Буравой. Я всячески поддерживаю публичную социологию, особенно если она принимает разнообразие форм.

Но при этом я бы хотел, чтобы социологи в США имели больше влияния в определении общественной политики, чем они имеют сейчас, — в сравнении с их коллегами из Западной Европы. (Думаю, эта оценка верна, и мои впечатления не определяются тем, что «лужайка соседа всегда зеленее»). Но критическая социология также должна быть частью комплекса — я имею в виду социологию, критическую в отношении ограниченного взгляда на то, что может произойти, который стремится определять решения политических и экономических элит. И, разумеется, всегда должно оставаться место для исследования, которое не имеет отношения — по крайней мере, напрямую — к попыткам сделать мир лучше. Я всегда поддерживал высказывание Ирвинга Гофмана, которое он сделал в конце жизни в Президентском послании Американской социологической ассоциации: «Мы все, думаю, согласны, что наша работа — изучать общество. И если вы спросите, зачем и с какой целью, я отвечу: потому что оно существует (because it is there)». Таким образом, я рассматриваю социологию как «шатровую» («big tent») дисциплину, включающую разные виды исследований.

— *Питер, давайте обратимся к Вашей профессиональной деятельности. Расскажите, пожалуйста, над какими исследовательскими проектами Вы сейчас работаете?*

— На данный момент я участвую в нескольких проектах на разных стадиях завершения. Во-первых, это развитие дискуссии о гражданской сфере, о чем я уже упоминал. Во-вторых, сейчас я работаю над биографией Роберта Парка в архивах университета Чикаго. Непосредственная цель этой работы — закончить сборник о Парке, в котором мне принадлежат две главы. Более долгосрочная задача состоит в том, чтобы написать большую книгу о Парке и Чикагской школе: подобных изданий не было с 1980-х гг. Лайман познакомил меня с этим ученым, и на протяжении своей карьеры он переосмыслил наследие Парка с позиций уважительной критики. Лайман много работал с его концепцией «цикла расовых отношений» («race relations cycle») — темой, о которой другие ученые обычно писали, не сверяясь с первоисточником. Я обнаружил, что сам Парк писал об этом цикле лишь эпизодически и не в научных публикациях. Таким образом, его содержательный вклад в теорию ассимиляции, рассматриваемый в терминах неизбежного цикла, состоящего из четырех этапов, был определен неверно. Помимо этого, я хочу показать значение Парка как одного из первых социологических мыслителей, выработавших особый взгляд на проблему современности (modernity), основанный на пристальном внимании к расовым отношениям и к городским феноменам.

Кроме того, сейчас я работаю, на начальном этапе, над исследованием подъема правых популистских партий в сравнительной перспективе — в Европе и Северной Америке. Это исследование сосредотачивается на взаимоотношениях между антииммигрантской и антиисламской риторикой, а также на тревогах и страхах, связанных с национальной идентичностью. Подъем правопопулистских партий в Западной Европе и США, который идет через легитимные законодательные каналы и электоральную систему, где эти партии стремятся выиграть голоса, повлек за собой многочисленные социально-научные исследования. По некоторым вопросам в этих партиях существует согласие:

наиболее очевидный пример — острые вопросы миграционной политики (в Западной Европе это также проявляется в установках по отношению к ЕС). С другой стороны, по некоторым вопросам есть разногласия — например, в случае оценки государства благосостояния.

Пока точно не известно число стран и партий, которые будут включены в это исследование. Начну с тех, с которыми я наиболее знаком и для анализа которых уже есть коллеги с необходимыми языковыми компетенциями. Это Perussuomalaiset («Истинные финны», или «Партия финнов») в Финляндии, Front National (Национальный фронт) во Франции, Lega Nord (Северная лига) в Италии, UKIP (Независимая партия Соединенного королевства) в Великобритании и Tea Party (Чайная партия) в США — не независимая партия в буквальном смысле, но влиятельная фракция в рамках Республиканской партии. При наличии достаточного времени и финансирования я бы хотел расширить список, включив в него австрийскую Freiheitliche Partei Österreichs (Австрийская партия свободы), нидерландскую Partij voor de Vrijheid (Партия свободы) и швейцарскую Schweizerische Volkspartei (Швейцарская народная партия). Цель данного проекта — провести детальный анализ отдельных кейсов, а также их сравнение, что, я надеюсь, позволит дать теоретически обоснованные оценки будущего этих партий в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Наконец, как раз сейчас я, в качестве редактора, нахожусь в середине проекта по публикации руководства (handbook) по социальной теории, которое выйдет в двух томах в издательстве Cambridge University Press, — около 45 или 50 статей. Работая над этой, весьма обескураживающей, задачей, я опираюсь на представление о том, что это за издание и каковы его функции. В ныне малоизвестной книге «Литература и библиография в социальных науках» (1973) Тельма Фрейдс формулирует цель подобного рода изданий следующим образом: «в научном стремлении синтезировать новое знание... иногда полезно остановиться, чтобы подвести итоги достижениям прошлого и увидеть задачи на будущее». Именно это и пытается сделать наш проект. Его цель — подвести итоги и критически оценить достижения современной социальной теории, что, в числе прочего, предполагает соотнесение этих достижений с традицией теоретизирования о «социальных вещах», как бы это назвал Чарльз Лемерт.

Эта книга, безусловно, не первое такое предприятие, и, изучив несколько более ранних, я ясно увидел, что редакторы прошлых изданий разделяют это общее базовое представление о назначении подобного рода изданий. В связи с тем, что уже было сказано — я подозреваю, что не все разделяют мои взгляды на то, что отличает руководства от других изданий. Справочная литература подразделяется на три типа: руководства (иногда их называют по-другому — например, «companion»), энциклопедии и словари. Все согласятся, что цель словарей — давать сравнительно короткие определения (иногда длина этих определений сопоставима с длиной самых коротких статей энциклопедии). Если существует некое практическое правило для редакторов словарей, то оно состоит в том, чтобы сделать словарные статьи настолько беспристрастными и лишенными авторской позиции, насколько это вообще возможно. Статьи в энциклопедиях в целом содержат больше информации и предлагают более глубокий взгляд на предмет, однако, в моем понимании, они должны быть

выдержаны в том же беспристрастном стиле: авторы стремятся дать обзор по теме и ввести читателя в повестку дня, охватывая существующие позиции и их критику. Я говорю об этом, потому что, по моему мнению, в руководства отличаются от словарей и энциклопедий. Во-первых, статьи в них значительно длиннее, чем статьи в энциклопедиях. Во-вторых, авторы руководств ступают на зыбкую почву научной дискуссии, и их задача состоит в том, чтобы аргументированно развернуть ту или иную позицию в текущих дебатах — хотя они и должны, по мере возможности, быть справедливы ко всем сторонам. Иными словами, корректность, справедливое суждение, полнота обзора и т. п., бесспорно, необходимы (статья в руководстве должна побуждать к диалогу, а не к спору), однако авторы должны выражать и собственную позицию по обсуждаемым вопросам.

— *Вы широко известны как специалист в области транснациональной миграции. Давайте остановимся на этом более подробно. Расскажите, что означает понятие «транснационализм»? И почему, с Вашей точки зрения, оно важно для социальных наук?*

— На самом базовом уровне понятие транснационализма, в приложении к иммигрантам, означает, что люди, образно говоря, находятся одной ногой дома, другой — в принимающей стране. Мне нравится термин, который использовал Роджер Уолдинггер в своей последней книге, — «трансграничные связи» («cross-border connections»). Транснационализм существует во многих сферах социальной жизни: в корпорациях, популярной культуре, глобализирующихся религиях, некоммерческих организациях и т. д. Применительно к исследованиям миграции, идея транснационализма имела благотворный эффект: она побудила ученых анализировать не только принимающую страну, но и страну исхода. Иными словами, транснациональная «оптика» вынуждает исследователей миграции избегать методологического национализма. Однако транснационализм не подразумевает, что государства больше не имеют значения, как это предполагает уже подзабытая идея о том, что мы вошли в постнациональную эпоху.

В противоположность тому, что заявляли некоторые из первопроходцев этой области, транснационализм мигрантов вовсе не является новым феноменом. Он существует довольно давно, и такие акторы, как государства — и принимающие, и посылающие — всегда играли в нем серьезную роль — разумеется, наряду с самими иммигрантами и с общественностью обеих стран. Одно из объяснений предполагаемой новизны транснационализма отсылает к роли современных коммуникационных и транспортных технологий: международных звонков по телефону, интернета, скайпа, реактивных самолетов и т. п. Здесь легко сослаться и на литературу вековой давности: так, Роберт Парк и Герберт Миллер писали о роли «локомотива, почты, телеграфа, прессы... в уничтожении расстояний». Совсем недавно я вычитывал для издательства University of Illinois Press рукопись «Век транснационализма: иммигранты и их связи с родиной» под редакцией историка Нэнси Грин и социолога Роджера Уолдинггера. Эта книга предлагает богатый и подробный анализ эмпирических кейсов из разных географических регионов и убедительно показывает, что транснационализм имел место и в прошлом, а не только в настоящем. Кроме

того, следует остерегаться объяснений, склонных к технологическому детерминизму, — не только потому, что подобный подход часто удивительно слеп к тому, как люди используют технологии, но и потому, что сегодня не у всех есть доступ к технологиям (здесь можно вспомнить о так называемом цифровом неравенстве (the digital divide)). В противоположность этому, мы должны быть внимательными к значению всех акторов, вовлеченных в массовые передвижения через национальные границы. И потому в аннотации для обложки «Века транснационализма» я отдал должное «критическому, исторически обоснованному взгляду на транснационализм, учитывающему центральную роль государства». Я полагаю, что именно так, если говорить кратко, должна развиваться исследовательская программа в данной области.

Кроме того, транснационализм иногда рассматривается как способ интеграции, альтернативный ассимиляции. Однако данные указывают на иное. В самом деле, транснационализм — это не способ интеграции, а, скорее, фактор, который в разных обстоятельствах может побуждать или не побуждать мигрантов к интеграции в принимающее общество в разных ее формах. Когда мы говорим об интеграции или о способах инкорпорации, мы, фактически, имеем дело с двумя альтернативами — каждая со своими внутренними подвидами — ассимиляцией и мультикультурализмом. Ассимиляция подчеркивает потребность в культурной однородности; мультикультурализм выдвигает идеал достижения единства в многообразии. То, на каком из способов останавливает свой выбор конкретное общество, является одновременно и политическим, и моральным решением. И здесь необходимо теоретическое осмысление того, какую роль может играть транснационализм в выборе одного или другого пути.

Наконец, и в этом я согласен с Уолдингером, мы уже, в основном, понимаем, как «работает» транснационализм и какие плоды он приносит, однако мы пока еще пренебрегаем изучением тех сил, которые со временем подрывают действенность и жизнеспособность транснационализма. Место и расстояние имеют значение, и требования государств, чтобы приезжие включались в процесс, который Уолдингер называет «политической ресоциализацией» (он полагает, что его игнорируют теоретики ассимиляции), также имеют большое значение. Таким образом, транснационализм — это реальный феномен с реальными последствиями, но это феномен с относительно коротким «сроком годности»: он исчезает по мере разветвления тех сил, что его подрывают. Это означает, что в большинстве случаев транснационализм касается только первого поколения мигрантов.

— Скажите, есть ли, по Вашему мнению, разница между исследованиями миграции и транснационализма в Европе и в Северной Америке? И применимы ли западные концептуальные рамки к анализу «остального мира»?

— В последнюю четверть века исследования миграции испытали значительный рост, и это отражает тот факт, что мы живем в эпоху глобальной миграции. Этот подъем — и в эмпирических исследованиях, и в теории — начался в США и, в меньшей степени, в Канаде. Это не удивительно, учитывая, что обе страны были и остаются пунктом назначения для большого числа мигрантов. Будучи, исторически, нациями поселенцев, они имеют значительный опыт в интеграции новоприбывших и в работе с проблемами, с ней связанными.

В США поле миграционных исследований внутри социологии начало формироваться уже в конце XIX в. и окончательно оформилось к 1920-м гг. И действительно, большинство социологов периода становления (formative period) этой дисциплины писали об иммиграции. Некоторые — такие как Э.А. Росс и Франклин Гиддингс — относились к иммигрантам неприязненно, даже враждебно. Но это не касается тех авторов, которые позднее стали известны как представители Чикагской школы в социологии. Таким образом, центральные понятия и исследовательские выводы о миграции в период становления социологии были, бесспорно, америкоцентричными.

Ваш второй вопрос — вопрос критический, и я бы сказал, что на настоящий момент мы просто не знаем на него ответа. В современную эру глобальной миграции географический охват исследований и теоретизирования был расширен, охватив страны Западной Европы и Австралию. Все они — богатые индустриализированные нации с либерально-демократическими политическими режимами. И остается открытым вопрос, является ли динамика миграционных процессов — поселение, инкорпорация и контроль — сходной или отличной в других регионах мира.

До недавнего времени большинство исследований миграции было замкнуто в национальных границах и не выходило на сравнительную перспективу. Сейчас проводится и публикуется все больше сравнительных исследований. Одно из затруднений, с которыми сталкиваются исследователи, — разногласия по поводу терминологии. Например, европейцы зачастую испытывают отвращение к термину «ассимиляция», затевая бесконечные дискуссии о том, что в действительности означает «включение» — термин, более распространенный в Европе. Или возьмем пример понятия «мультикультурализм», которое означает разное в разных странах. Даже внутри Европы имеют место дебаты о том, что значит этот термин. Так, британские социологи — например, Тарик Модуд — предлагают обоснованный и тщательный анализ и аргументы в защиту политик мультикультурализма, в то время как их французские коллеги часто относятся к этой идее с явным пренебрежением — наиболее ярким примером служит Мишель Вевьорка, бывший президент Международной социологической ассоциации. В дополнение к этому, в игру вступают различия в исследовательских традициях. Исследователи из Европы часто серьезно занимаются теорией, уделяя мало внимания размеру выборки; обратное характерно для ученых из США. Более того, европейцы часто обращаются к исследовательским проблемам, связанным с государством и с реакциями общественности на мигрантов, в то время как американцы фокусируются на самих иммигрантах. Но, несмотря на все это, я думаю, что мы продвигаемся в благоприятном направлении. До сих пор есть тенденция «увязать» в концептуальных дебатах, которые напоминают мне о фрейдовской идее нарциссизма малых различий (например, споры о мультикультурализме и интеркультурализме), — дебатах, которые уводят нас от реальной и насущной задачи проведения эмпирических исследований. Тем не менее, я могу указать на недавние исследования, которые действительно продвинули вперед сравнительную социологию миграции. Одно из них, книга, которая, я полагаю, должна обратить и обратит на себя серьезное внимание, — это монография Ричарда Альбы и Нэнси Фонер «Больш-

ше не чужаки: Иммиграция и проблемы интеграции в Северной Америке и Западной Европе» (Princeton University Press, 2015). Я организовал симпозиум по этой книге в журнале «Ethnic and Racial Studies» с участием двух американцев, одного канадца и трех европейцев. Выпуск готовится к публикации в конце 2016 г.

— *Питер, в 2015 г. в Санкт-Петербургском государственном университете под Вашим руководством была создана международная исследовательская лаборатория «Транснационализм и миграционные процессы: сравнительный и институциональный анализ». Пожалуйста, расскажите об этом проекте более подробно.*

— Этот проект имеет отношение к вопросу о том, в какой мере для осмысления российской действительности могут быть применены теории и концепции, созданные и используемые в других регионах. Суть дела в том, что Россия — вторая в мире страна по числу иммигрантов, и в то же время страна со значительным числом эмигрантов. Хотя эти перемещения через границы и стали предметом научных исследований, но, учитывая масштаб передвижений, данные феномены, безусловно, нуждаются в дальнейшем изучении. Таким образом, цель лаборатории, на некотором уровне, очень проста: мы стремимся заполнить пробел в эмпирических исследованиях. Это предполагает и анализ миграции в Россию — как мы знаем, преимущественно из стран бывшего СССР, — и изучение российской эмиграции. Мы уже начали исследовать россиян в Лос-Анджелесе, но я также хотел бы сделать совместный проект с финскими исследователями по российским иммигрантам в Финляндии — второй по величине группе мигрантов, после эстонцев.

Помимо эмпирических исследований, я бы хотел начать работу над теоретическими проблемами, к которым отсылает Ваш предыдущий вопрос. Когда мы говорим об ассимиляции, интеграции, мультикультурализме, транснационализме, диаспоре и т. п. — применимы ли эти понятия, разработанные на конкретном историческом материале, к российской ситуации? Говоря кратко, одна из предельных задач лаборатории состоит в том, чтобы определить, каким образом эти и связанные с ними понятия могут (или не могут) быть распространены на иные национальные контексты.

— *Питер, помимо организационной работы, связанной с проведением исследований, Вы еще и преподаете. Скажите, пожалуйста, как Вам удается совмещать эти два вида деятельности и помогает ли Вам преподавание в исследовательской работе?*

— Начну с того, что мне нравится преподавать. Конечно, время всегда ограничено, и некоторые жалуются, что преподавание отнимает время от научной работы. Хотя иногда я чувствую, что разрываюсь между разными обязательствами, я также полагаю, что преподавание и научная деятельность могут подкреплять друг друга. Мы уже говорили о публичной социологии. Один из наиболее важных типов публики, с которым мы должны работать, — наши клиенты (constituency) — состоит из студентов. Некоторые из них станут социологами, и здесь перед нами стоит задача вовлечь их в дисциплину. Но — по крайней мере, там, где преподаю я — большинство студентов не будут социологами. Они станут юристами, врачами, бухгалтерами, социальными работниками, препода-

давателями, выберут множество других профессий. Если социологи действительно являются хранителями общего блага, мы должны учить этих студентов так, чтобы они были способны ценить и пользоваться тем, что Ч. Райт Миллс назвал «социологическим воображением». Это поможет им сформировать представление о том, что значит быть гражданином.

— *В последние десятилетия было много дебатов о кризисе университета и о его возможном будущем. Какую позицию по этому вопросу занимаете Вы?*

— По этому вопросу можно говорить очень долго — гораздо дольше, чем позволяет формат этого интервью. Скажу только, что я обеспокоен будущим университета и полагаю, что кризис реален. В разных странах он принимает разные формы. Мне лучше известна ситуация в США. Здесь уже некоторое время происходят три вещи. Во-первых, сокращается государственное финансирование высшего образования, что влияет на доступность университетского образования для все большего числа семей не только из низшего, но и из среднего класса. Во-вторых, происходит обесценивание традиционных дисциплин свободных искусств — включая гуманитарное знание и социальные науки, — в то время как точные науки (STEM sciences) и бизнес-программы по рекламе, маркетингу и управлению персоналом поднимаются в статусе и получают больше финансирования. В-третьих, нарастает тенденция рассматривать высшее образование как бизнес, используя рыночные критерии, которые неуместны в случае образовательных институтов. Широкое распространение весьма сомнительных метрик разного рода для измерения результатов и самой деятельности — одно из проявлений того, что справедливо называют неолиберальной программой. Один из последних симптомов данной тенденции — рост управленческого / административного сектора в университетах при сокращении постоянных позиций и пожизненного найма (full-time tenured and tenure track positions) для преподавателей. Особенно тревожным последствием этого является ослабление профессиональной автономии профессуры. И, к сожалению, я не верю, что в обозримом будущем какая-либо из этих тенденций обратится вспять.

— *В январе 2015 г. Вы посетили Россию и провели несколько публичных лекций в Москве и Санкт-Петербурге. Расскажите, пожалуйста, о своих впечатлениях о российской аудитории.*

— За довольно короткий срок я получил приглашение выступить с тремя лекциями в течение четырех дней в январе 2015 г. — в Москве, Санкт-Петербурге и Киеве. Меня пригласила организация под названием InLiberty. Я не был знаком с этой организацией и, после короткого поиска, обнаружил, что это либертарианская организация, которая финансируется двумя «фабриками мысли» (think tanks) правого толка из США (the Heritage Foundation и the Atlas Economic Research Foundation, обе получают деньги от братьев Коук, название последней явно отсылает к пропагандистскому роману Айн Рэнд). В общем, инициатива со стороны InLiberty заставила меня задуматься.

Организаторы попросили меня выступить по теме гражданства — резонно, учитывая, что я опубликовал две книги и несколько статей по этой проблематике. Они также хотели, чтобы я рассказал о двойном гражданстве, но кроме этого не было никаких ограничений по выступлению. Организаторы попросили меня

заранее прислать план презентации, но только те, кто делал синхронный перевод, точно знали, о чем именно я говорю. Я подумал, что могу говорить о чем хочу, не следуя никаким идеологическим рамкам. Таким образом, преодолев первоначальную неловкость, я согласился выступить с лекциями.

Я рад, что принял такое решение. Несмотря на то, что мой визит состоялся в январе и было холодно, я был приятно удивлен количеством пришедших. В Москве пришло более 190 человек, всего на трех лекциях побывало более 400 человек. Моя презентация основывалась на идее Т.Х. Маршалла о трех правах, связанных с гражданством. Исходя из того, что либертарианцы в США не считают «социальные права», в терминологии Маршалла, реальными правами гражданства, я ожидал возражений по этому поводу во время вопросов из зала. Однако их не было. Вместо этого, в каждом из трех городов вопросы аудитории — а их было немало — выражали, как мне показалось, общее согласие с моей презентацией. И я понял, что аудитория не разделяет либертариантские взгляды спонсоров лекций. В то же время, как показало общение после лекций, во всех трех городах аудитория состояла из высокообразованных и хорошо осведомленных людей. Я не уверен, что знаю, почему они пришли послушать меня в столь большом количестве, но очень доволен, что они это сделали. Скажу еще, что мне не задавали острых политических вопросов в Москве и только один — в Санкт-Петербурге. Однако в Киеве были вопросы о двойном гражданстве и о лицах без гражданства, связанные с недавними событиями в Крыму.

— *Питер, и в завершение нашей беседы, какие советы Вы могли бы дать или какие пожелания высказать в адрес российских социологов?*

— Я думаю, на этот вопрос лучше всего ответить другим вопросом: что мы имеем в виду, когда говорим, что мы «за социологию»? Эта фраза является заголовком сборника работ Алвина Гоулднера, опубликованного в 1973 г., — сборника, в котором он намеревался продвигать, как гласит подзаголовок, «обновление и критику в современной социологии». Я всецело поддерживаю критическую и саморефлективную социологию и понимаю, что часть работы социального ученого состоит в выходе за пределы нынешнего состояния дисциплины — как в эмпирических исследованиях, так и в развитии теории.

Учитывая это, если я сегодня о чем-то и беспокоюсь, так это о том, что мало внимания уделяется традиции, на которую мы опираемся. Необходимо более серьезно задуматься о том, что, по мере продвижения вперед, мы остаемся частью дисциплины с долгой и богатой историей. Нужно быть более внимательными к прошлому социологии — не столько, чтобы избегать его ошибок, сколько чтобы перестать вновь и вновь изобретать колесо. Следовало бы чаще думать о том, что социология — это кумулятивное предприятие. Так, меня тревожит, что из более 13000 членов Американской социологической ассоциации менее 200 человек сделали выбор в пользу секции по истории социологии. И это не только американская проблема. Подозреваю, что в значительной мере она обусловлена требованиями со стороны фондов, профессиональных комитетов и иных организаций быть «на передовой» и создавать «инновации». Эта проблема — также следствие погони за интеллектуальной модой, которая, как и в мире высокой моды, основана на стремительном круговороте «нового».

Я бы хотел сказать простую вещь: эта погоня не несет пользы. Я призываю не к тому, чтобы похоронить себя в прошлом, но к тому, чтобы лучше понимать это прошлое — а не игнорировать его — и двигаться в будущее в по-настоящему продуктивных направлениях.

— *Питер, спасибо Вам за интервью!*

Интервью провел А.В. Резаев

Перевод с английского Н.Д. Трегубовой под редакцией А.В. Резаева